

Вряд ли также можно согласиться с автором, считающим синдю основным этническим окружением Фанагории. Правда, такое указание мы находим у Псевдо-Скилака и отчасти Геродота, который, однако, дает лишь общее представление о Синдике. Большинство же источников раздельно говорит о Фанагории и о синдах или синдских городах. Страбон помещает Фанагорию с Кенами на одном острове, а прочие города — на другом острове, «за Гипанисом в Синдике». Одновременная чеканка монет как в Фанагории, так и в центре государства синдю тоже свидетельствует о независимой жизни Фанагории.

В связи с этим вопросом мы считали бы необходимым осветить роль и особенности культуры местных меотских племен, которые, с нашей точки зрения, должны были составлять основное этническое окружение Фанагории.

Необходимо, кроме того, отметить нечеткость изложения некоторых мест. Так, говоря о производстве местной художественной керамики IV—III вв. до н. э., автор упоминает боспорские пелики, причем не указывает, что пелики не были продуктом местных мастерских, но изготовлялись в Греции, вероятно в Афинах, на рынок Северного Причерноморья.

Хотелось бы получить от автора более дифференцированное определение той группы торевтики, которую с большой степенью вероятности в настоящее время уже можно считать изделиями местных мастерских в отличие от привозных греческих.

Досадны вкрапившиеся мелкие ошибки, недосмотренные в процессе издания: так, Патрей (стр. 25) отнесен к числу городов на европейской части Боспора (следует читать: Парфенион). Под двумя репродукциями клазоменских ваз (рис. 2 и 22) стоят подписи: «Халкидская ваза», и с этим же определением они стоят в регистре. Рисунок 40 дан в перевернутом виде.

Нужно отметить, что, несмотря на единичные редакционные упущения, книга издана хорошо, и большее количество иллюстраций отличается вполне удовлетворительным качеством. Можно пожалеть только о том, что в большинстве случаев не указано, в какой коллекции хранится тот или иной памятник, что могло бы облегчить читателю знакомство с их подлинниками в музеях.

Подводя итоги, нужно отметить, что в книге В. Д. Блаватского мы находим четко систематизированный большой материал, который в значительной части впервые становится достоянием широких кругов читателей. Особенное значение этой книги заключается в том, что в ней освещены наиболее принципиальные и существенные проблемы, связанные с изучением истории и культуры Северного Причерноморья, что делает книгу интересной не только для широкого круга читателей и учащейся молодежи, но и для лиц, специально интересующихся этой темой.

И. Б. Зеест

Новое советское издание Горация

ГОРАЦИЙ, Избранные оды. Составление, общая редакция и комментарии Я. Голосовкера. Гослитиздат, М., 1948, 144 стр. Тираж 10000, цена 4 руб.

В СССР русские переводы произведений Горация выдержали три отдельных издания, из которых одно было полным собранием сочинений поэта¹. Новое, ниже рецензируемое издание «Избранных од» Горация в русских переводах является, таким образом, четвертым по счету советским изданием римского поэта в русских переводах.

¹ К в. Г о р а ц и й Ф л., Оды, пер. Н. Ш а т е р н и к о в а, ГИЛХ, М., 1935; о н ж е, Избр. лирика, пер. А. С е м е н о в а - Т я н - Ш а н с к о г о, «Academia», М., 1936 (паралл. лат. текст); о н ж е; Полн. собр. соч., пер. под ред. и с прим. Ф. Петровского, «Academia», М., 1936.

«Новые переводы од Горация несколько отличаются от переводов од мелической строфой, уже существующих на русском языке, в которых нередко филологическая сторона преобладает над литературно-художественной» (см. преуведомление, стр. 7). Можно приветствовать эту установку. Опыт нескольких последних изданий русского Горация показал, что, несмотря на исключительное любовное отношение наших филологов, переводчиков Горация, к задаче создания полноценной (т. е. прежде всего художественной) русской версии римского поэта и несмотря на их несомненные частные успехи, — задача эта решена еще не совсем. Для того чтобы Гораций действительно зазвучал для нас, требуются не только старания филологически подготовленных и стиховедчески эрудированных людей, но и старания поэтов, практиков поэтического искусства.

Переводы, собранные в настоящей книге, частично выполнены именно поэтами. Среди них — С. Бобров, Ю. Верховский, Борис Пастернак, Илья Сельвинский и др.

Почти две трети книги переведено Я. Голосовкером. Я. Голосовкер в работе над Горацием является в некотором смысле новатором. В сущности, им впервые обращено внимание на такую важнейшую сторону поэзии Горация, как ее благозвучие. Музыкальность стиха, его звуковая чистота — достоинство переводов Я. Голосовкера. Я. Голосовкер умело сохраняет мысли и образы Горация, воссоздает живую интонацию поэта, его поговорочность и афористичность. Успешно борясь с возникающими при такой работе трудностями, Я. Голосовкер далек от рискованной и ненужной игры в псевдолатинский синтаксис, четко и естественно строит фразу, придерживаясь норм современного литературного языка.

Сказанное не надо понимать, как утверждение того, что Я. Голосовкеру сопутствуют одни успехи. Есть у него переводы, ничем не превосходящие сделанные ранее другими. Например, в переводе Сагш., I, 15 неловок 32-й стих («Это ли обещал любви?» — стр. 23) и без нужды архаизированы ст. 35—36, составляющие заключительную фразу оды «Испепелит до тла огонь ахейн златой Пергам» (там же). В подлиннике: *Achaicus ignis Piasas domos* — и это неплохо переведено, например, Н. Гиндбургом: «Греки град Илион сожгут» (см. Гораций, Пол. собр. соч., стр. 27). Едва ли хорош стиль такого выражения, как «О мой проробор» (стр. 63), сомнительны «бугай» вместо быков (стр. 78), «жеребица» вместо общепринятой кобылицы (стр. 91). В переводе Сагш., III, 11 (миф о Данаидах) ослаблена энергия 5-й строфы: *quin et ixiom Tityosque Volty//r i s i t invito* (vv. 21—22); у Я. Голосовкера (стр. 16) получается: «И невольный в здох Иксион и Титий, просветлев лицом, издают»; но у многих прежних переводчиков истязаемые Иксион и Титий радостно смеются, чего и требует подлинник.

Не все бесспорно и в других переводах «Избранных од». Нельзя признать удачным перевод, выполненный поэтом М. Тарловским, Сагш., I, 14. «Ч а д о сосен понтийских, // д щ е р е й бора священного... Все ж в отще ты раздул спесь родословием...» (стр. 23) — будучи переведена подобным языком, указанная ода Горация (одна из основных в его наследии) становится совершенно безжизненной. Но этот вычурный перевод в книге, в сущности, исключение. Красочен сделанный А. Тарновским перевод оды к Торквату (Сагш., IV, 7). Радуют многие места в переводах С. Боброва, Ю. Верховского, О. Румера, М. Столярова. И. Сельвинский очень эмоционально и уверенно перевел две оды, посвященные Лидии (Сагш., I, 13 и 25), особенно первую из них. Всеми читателями русского Горация будут замечены и оба перевода Б. Пастернака. Укажем, однако, что в оде к Мельпомене Б. Пастернак не всегда достаточно близок к оригиналу. Стихи 15—16 у Б. Пастернака переведены следующим образом: «С годами звучит слабей ропот зависти и — недружелюбия» (стр. 27). Но у Горация: *et iam dente minus mordetorj n v i d o*, что сохранено, например, Н. Шатерниковым — «И уж зависти зуб меньше грызет меня» (Шатерников, стр. 132) и А. Семеновым-Тянь-Шанским: «И меня уж язвит меньше зуб зависти» (Гораций, Полн. собр. соч., стр. 146). Заслуживает похвал по непринужденности фразеологии пастернаковский перевод Сагш., II, 7; однако в этом переводе допущены неправомерности в алкеевом стихе (см. стихи 18 и 21). Пастернаковский перевод Сагш., II, 7, ст. 11—12 («И, в прах зарыв цокорно лица, войско сложило свое оружие») — это, пожалуй, не совсем то, что у Горация: *cum fracta virtus, et minaces turpe solum tetigere mento*. Место это, чрезвычайно лаконичное и потому

не совсем ясное, издавна служит поводом для споров горациеведов. В свое время это место оды к Помпею удачно комментировал у нас А. Месс¹, предложивший наиболее вероятное толкование трудного текста: когда была сломлена доблесть, грозные коснулись лицами (дословно: п о д б о р о д к а м и) постыдной земли. Иными словами, поэт намекает на паническое бегство прежде грозных воинов, падающих ничком от ударов сзади.

Если первой особенностью рецензируемого издания «Избранных од» Горация должны быть признаны поэтические достоинства большинства собранных в книге переводов, то второй является своеобразный подбор текстов.

В книге отсутствуют те оды, в которых Гораций является «римлянином по преимуществу». В частности, в нее не включены оды, обращенные к Августу, — оды, дающие любопытный материал для понимания политической идеологии Рима в эпоху Августа; отмеченные, несомненно, политическим сервильизмом, они чрезвычайно важны для понимания социально-политических корней творчества Горация (Satm., I, 2, 12, 35, 37; II, 1, 15; III, 4, 5, 6, 8, 14, 24; IV, 4, 5, 14, 15 — и некоторые другие)². Затем отсутствует в книге Satm. saeculare; отсутствует даже «Eregi monumentum...» (Satm., III, 30), что просто озадачивает читателя.

Так как в уже цитированном небольшом преуведомлении к «Избранным одам» какие-либо разъяснения в этом смысле отсутствуют, приходится сделать соответствующее умозаключение самостоятельно.

Очевидно, Я. Голосовкер, известный, между прочим, своим сборником «Лирика древней Эллады в переводах русских поэтов» («Academia, М., 1935), сознательно «урезал» Горация, представил его не столько как римского поэта, но скорее как «последнего грека», жившего в Риме, писавшего по-латыни для римлян, но теснейшим образом связанного с эллинистической культурной традицией.

Показ Горация как эллинизированного римлянина, а может быть, и как романизированного эллина, даже и в этой небольшой антологии, не ставящей себе целью дать картину всего творчества поэта, приводит к некоторому искажению историко-литературной перспективы. Правда, эллинизм, или даже эллинистичность Горация, всего отчетливее проявились в его одах — недаром В. Модестов отмечал, что «оды относятся к тем произведениям Горация, где он является всего более связанным с греческой литературой»³. Недаром также и И. М. Тронский отмечает, что у Горация «древнегреческая форма служит облачением для эллинистически-римского содержания»⁴. Однако при всем том отрывать Горация от его римской почвы и оставлять в пренебрежении его римскую тематику никак не следовало, нужно также пожалеть об отсутствии в «Избранных одах» некоторых классических образцов лирики Горация.

Распределение од по отделам («Гимны и мифы», «Поэзия», «Любовь», «Пирушки с друзьями», «Сельская жизнь», «Раздумья», «Мир загробных теней») можно считать удачным. Внешне издание вполне прилично, однако в тексте есть несколько опечаток (дважды напечатано Маилий вместо Манлий, местами неверна орфография, на стр. 50-й, 64 и 78 грубо искажен самый смысл стихов). Нельзя не отметить также оплябки, или, быть может, описки в предисловии (стр. 6), где говорится, что в школе Орбилия Гораций изучал «историку Тита Ливия». Речь идет о поэте Ливии Андронике.

И. С. Поступальский

¹ А. Месс, Заметка к оде Горация Lib. II, Satm., VII, 9—14, ЖМНП, 1879, № 10, стр. 358—362.

² На основании этих од Ф. Энгельс шутливо представлял себе Горация «ползающим на брюхе перед Августом».

³ В. Модестов, Лекции по истории римской литературы, Спб., 1888, стр. 428.

⁴ И. М. Тронский, История античной литературы, Учпедгиз, Л., 1946, стр. 392.